Неафишируемый фронт

Ветеран внешней разведки Олег Нечипоренко

Основоположник советской контрразведки Артур Христианович Артузов в своё время сказал, что профессия разведчика всегда находится в тени. И не потому, что она не почётна. Просто его деятельность никогда не афишируется. А геройство чекиста заключается не в совершении подвига, а в будничной напряжённой и кропотливой работе, в той возвышенно-значительной борьбе, не знающей ни передышек, ни послаблений, в которой он отдаёт всё, что имеет. Эти слова по праву можно отнести к герою нашего повествования — ветерану внешней разведки, отдавшему многие годы своей жизни беззаветному служению Родине вдали от неё.

Мальчишка с «двойным дном»

9 мая 1945 года Олег проснулся от громких голосов. Везде — на улице, у соседей — раздавались радостные крики: «Победа! Победа! Победа!» Спустя мгновение к ним присоединились голоса его родителей. Москва встречала первый послевоенный рассвет. Ликование объединило столицу и всю страну, так же, как четыре года назад всех сплотила общая беда.

Когда яркое весеннее солнце окончательно вступило в свои права, Олег выбежал во двор, где его уже ждали друзья. Ватага пацанов, радуясь отменённым урокам, гурьбой устремилась на Сретенский бульвар — там, по донесениям «разведки», обосновался продавец воздушных шаров. Со-

рванцы, вооружённые рогатками, в тот день решили выбрать объектом для охоты не воробьёв и дворовых котов, не стеклянные бутылки и лампочки, а разноцветные, качавшиеся на ветру мишени.

Первый же залп металлическими скобами под аккомпанемент громких хлопков основательно проредил грозди воздушного товара. Так ребятня устроила в честь Победы свой маленький салют за много часов до того — праздничного, в переплетении с лучами прожекторов расцветившего ночное небо. И неважно, что пришлось срочно спасаться бегством, чтобы раствориться в людском потоке, с музыкой и песнями заполнявшем улицы, проспекты и площади, в живой реке, стремившейся слиться с таким же живым морем, над волнами

которого под крики «ура» взлетали подброшенные в чистое небо герои с орденами и медалями на груди.

До самого вечера мальчишки и примкнувшие к ним по пути девчонки гуляли по праздничной столице, а потом двинулись по улице Кирова на Красную площадь. Добраться до неё было невероятно трудно: к стенам Кремля со всех сторон шли те, кто решил завершить первый день мира под заревом грандиозного фейерверка. Однако для юных, но уже много чего повидавших «на своём веку» москвичей преград не существовало. Лишь поздней ночью они разбрелись по домам, усталые, но безмерно счастливые. Начиналась новая жизнь. Дети, которых в той или иной степени коснулось дыхание войны, теперь с надеждой смотрели в будущее...

Олег Нечипоренко ничем не выделялся среди сверстников. Вовсяком случае, в одной из двух составляющих своей жизни. Она вела его в среду таких же, как и он, пострелов, встречавших и провожавших день за днём в общем пространстве учёбы и реализации коллективных интересов. Вторая составляющая начиналась в стенах квартиры, расположенной на первом этаже дома, вросшего в московскую землю неподалёку от станции метро «Кировская». А вот она крайне отличалась от всего оставленного за входной дверью: в свои неполные 13 лет он жил тайной жизнью. Жизнью в конспирации, тонкости которой он и его старший брат Глеб постигали с ноября 1942 года.

Питательная среда для юной поросли

К профессии разведчика люди идут разными путями. Но, оказывается, реже всего — шагая по следам своих предков. Олег Максимович пришёл в службу внешней разведки именно так. И если рассматривать «генеалогическое древо» семьи Нечипоренко, становится ясно, что по-другому и быть не могло.

Отец — Максим Яковлевич — в 9 лет вместе с младшим братом отправился познавать мир, покинув дом родной по воле житейских обстоятельств. К концу второго года обитания в стае беспризорников парнишкасделал вывод: такого рода существование ведёт к черте, за которой нет будущего, и надо что-то делать. Каким-то образом попав в ученики к печатнику, Максим обрёл востребованную, а значит, кормящую профессию и стал трудиться в родном Киеве, переходя из одной типографии в другую. Казалось бы, что ещё нужно человеку, выбравшемуся со дна общества? Живи да радуйся! Не получилось.

Множество людей начала двадцатого века, род деятельности которых напрямую был связан с полиграфией, умудрялись «нахвататься революционных идей», кардинально изменявших их взгляды на окружающую действительность. Не избежал этого и Нечипоренко. А уже в 1910 году молодой человек 25 лет отроду был выслан в Черниговскую губернию под надзор полиции за распространение прокламаций. Потом была эмиграция, «романтическая» матросская жизнь и лишённая всякой романтики работа грузчика в Париже. Короче говоря, прежде чем вернуться к печатному станку, мастеру пришлось основательно вкусить чёрствого хлеба на чужбине.

Уже состоя в партии большевиков, он обосновался в типографии города

Баку и продолжил заниматься любимым делом, выезжая от случая к случаю в российскую столицу. В один прекрасный день он повстречал там будущую спутницу жизни. Сыграли свадьбу. Казалось, семейному счастью ничто не могло помешать. Даже то, что тесть трудился при свите российского императора Николая II в качестве шофёра, в то время как зять принимал активное участие в подготовке к свержению царского режима. Последнее и стало причиной долгой разлуки: тиражирование подрывной литературы довело до камеры в бакинской тюрьме, из которой недовольный самодержавием супруг вышел лишь после Февральской революции.

Документы, касающиеся подпольной деятельности Нечипоренко-старшего до 1917 года, много лет спустя были обнаружены в архивах Особого отдела Департамента полиции тех давних времён.

В начале двадцатых Максим Яковлевич, поступив на работу в Управление делами Совнаркома, успешно справился там с организацией ведомственной полиграфической структуры и 9 лет служил её бессменным директором. Чем ещё занимался печатник помимо основной работы, не разглашалось. Но вот то, что в 1930 году Нечипоренко по линии Коминтерна был откомандирован в Южную Америку, говорит о многом. В советском торговом представительстве, расположившемся в Буэнос-Айресе под вывеской «Южамторг», ему сначада предоставили должность ответственного исполнителя по продаже одной из групп товаров, а потом — заместителя начальника, ответственного за морской транспорт.

Помня о том, что главной задачей Коммунистического интернационала считалась реализация революционных идей в мировом масштабе, можно догадаться, какого рода экспортом занималась отдельная часть сотрудников торгпредства. Очень скоро это поняли и аргентинские власти. А поскольку специфическая торговля велась вполне успешно, то пресечение её на корню они сочли крайне необходимой мерой. С чем и справились в кратчайший срок.

Уже 13 августа 1931 года в печати было опубликовано коммюнике, в котором сообщалось о ликвидации коммунистической деятельности сотрудников советского акционерного общества и об их аресте.

В семейный архив специалиста в области тайной деятельности легла вырезка из газеты La Prensa, часть текста которой можно привести дословно: «..."Южамторг" был двусторонней организацией и даже с двойным набором служащих. Однизанимались коммерческой деятель-

Сергей Васильевич Березин — дед главного героя очерка. Работал шофёром при свите Николая II

ностью, другие выполняли полицейские функции и получали более высокие оклады, чем первые, несмотря на отсутствие должной квалификации и опыта. В качестве примера можно назвать бывшего простого матроса из Одессы Максима Нечипоренко...»

Эта, как, впрочем, и другие публикации, касающиеся зарубежной командировки главы семейства на южноамериканский континент, будут прочитаны Олегом много лет спустя, после того как испанский язык станет ему доступен так же, как и русский. А вот устные рассказы родителей о приключениях супружеской пары «коммерсантов» вдали от Родины послужили прочной базой для рождения уникального «семейного подряда» в разведке. Именно они начали пробуждать в сыновьях стремление к жизни в конспирации. К этому нужно добавить ещё один наглядный пример, повлиявший на их решение пойти дорогой, ведущей на службу в органы государственной безопасности. Таковым оказался любимый дядя Лев — сотрудник НКВД в высоком звании и таинственной должности. Они догадывались, что с отцом его связывала работа в Аргентине, и это в своё время только усилило желание братьев продолжить дело близких им людей...

Конечно же в те годы не было известно, что Лев Николаевич Краевский, долгое время работавший во внешней разведке, был одним из кандидатов в состав советской резидентуры в Германии, когда к власти там пришли нацисты...

Подводя итог, можно смело утверждать: династия разведчиков

АВГУСТ 2019 **73**

Родители и брат Глеб. Буэнос-Айрес. 1931 год

Нечипоренко состоялась благодаря питательной среде, в которой изначально оказалась юная поросль.

Вынужденный вояж длиной в один год

С какой бы цветовой гаммой мы ни ассоциировали тот или иной период жизни, для большинства из нас детские годы навсегда остаются в розовых тонах счастливой безмятежности. По прошествии лет память не желает излишне акцентировать внимание на грустных эпизодах. Завершилась, скажем, острая фаза какой-нибудь очередной детской болезни — пришло время для окончательной поправки. Как раз оно и остаётся приятным воспоминанием. Ещё бы! Нескольких дней, предназначенных для восстановления сил, хватает, чтобы заняться любимыми делами! Либо рисуешь, что весьма поощрялось родителями, и особенно отцом, видевшим своих чад работниками полиграфического производства, либо читаешь взахлёб книги, которыми Максим Яковлевич регулярно пополнял домашнюю библиотеку.

Литература и кино концентрировали внимание Глеба и Олега на важнейших этапах пути в развитии Советского государства. И пятилетняя разница в возрасте нисколько не мешала ребятам иметь схожие взгляды на большинство событий. Их детские годы проходили в эпоху реализации грандиозных планов, великих авиаперелётов, «битвы» с Северным полюсом, спортивных рекордов и мощных военных парадов на главной площади страны. Вместе со сверстниками они врастали в образы защитников Отечества: шли в атаку на врага, стояли насмерть на границе, ловили шпионов и диверсантов. Пожар гражданской войны в далёкой Испании уже будоражил воображение. А бои у озера Хасан и реки Халхин-Гол, финская кампания,

казалось, готовили страну к долгому лихолетью.

22 июня 1941 года, аккурат на следующий день после того, как старшему брату Глебу стукнуло целых 14 лет, безоблачное детство закончилось. Произошло это под Москвой близ станции Ильинское Казанской железной дороги на территории дома отдыха Объединения государственных книжно-журнальных издательств. Максим Яковлевич Нечипоренко был назначен его директором, и семья с начала лета перебралась из городской в маленькую служебную квартиру в дачном домике. Предполагалось — до учебного года... Как часто не зависящие от нас обстоятельства корректируют нашипланы!

Отдыхающие один за другим отбывали к местам постоянного проживания. Отец оставался при делах на вверенном ему хозяйстве, и только в конце июля семья вернулась в столицу. Москва, познавшая бомбёжки, уже обрела специфический антураж военного времени.

Дома отец надолго не задержался — с группой строителей отправился сооружать оборонительные рубежи на Брянщине. По возвращении из прифронтовой полосы он принял ответственную должность на полиграфическом комбинате «Гознак», а уже в октябре домочадцы стали упаковывать вещи, необходимые в эвакуации: предприятие государственного значения перебазировали в город Краснокамск Молотовской области.

По прибытии на место, естественно, возникло множество житейских проблем, в том числе связанных с начальным образованием. Ударили морозы, и отправлять Олега в школу за сто вёрст в не соответствовавшей стуже московской одежонке было крайне рискованно. Принимая во внимание тот факт, что он на год позже сверстников отправился в первый класс — детские болезни подкашивают в любой сезон, — не пойти во второй было ему во вред. И тем не менее на семейном совете решили: младший сын станет учиться в домашних условиях. Старшего, тоже прервавшего до лучших времён очное образование, пристроили в ученики к непревзойдённому гравёру Московского монетного двора Самуилу Львовичу Тульчинскому, специалисту в уникальной области искусства, который был также известен как талантливый медальер, автор ряда наградных знаков для Академии наук СССР, серии медалей, посвящённых памяти Александра Сергеевича Пушкина. Мастеру, который принимал участие в работе над эскизами ордена Ленина и многих известных ныне высоких государственных наград. Пройдут

годы, Тульчинскому доверят руководить творческой группой создателей знака «Лётчик-космонавт СССР». Но это случится в начале шестидесятых. А в те военные годы путь Самуила Львовича лежал в Молотовскую область, где судьба сведёт две семьи — Тульчинских и Нечипоренко, чтобы подружить их на всю оставшуюся жизнь. Может быть, для того, чтобы в очередной раз подтвердить: хорошие люди всегда найдут друг друга. Или для того, чтобы в нужное время Глеб, овладевший профессией гравёра, сумел справиться с задачей, которая оказалась не по силам работавшим рядом специалистам: в кратчайший срок отреставрировать «Золотую Звезду» Героя Советского Союза самому Георгию Константиновичу Жукову. Приглашённые в Ставку Верховного Главнокомандования должны были предстать перед Сталиным «при полном параде», а медаль у маршала имела абсолютно неприглядный вид.

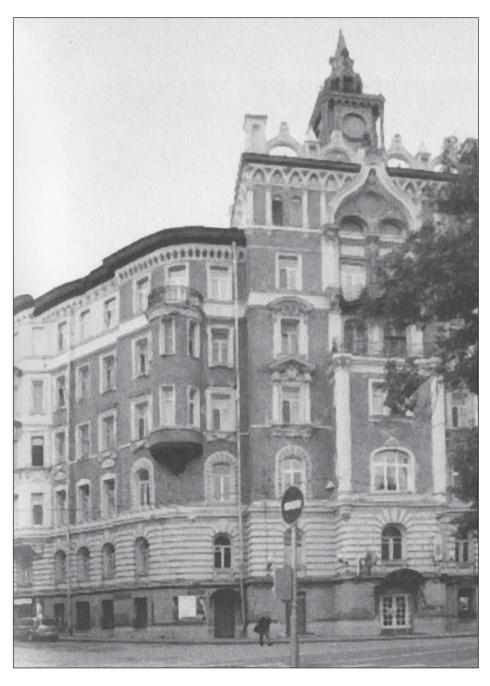
В начале весны 1942 года часть «Гознака», в которой работал отец, перевели в Ташкент, а уже в середине лета Максим Яковлевич вместе со старшим сыном отбыл в Москву. В октябре вернулись и остальные домочадцы. Вынужденный тяжёлый вояж остался позади. И практически сразу все окунулись в тревожные будни, скрытые за пеленой секретности.

Начало пути в конспирацию

В один из холодных осенних дней в квартире на Сретенском бульваре раздался звонок, возвестивший не только о появлении нежданных гостей, но, как оказалось, и о начале для ребят приключения длиною в жизнь.

Отец открыл пришедшим входную дверь, а потом вместе с ними отправился на кухню. Вскоре вышел и потихоньку позвал туда же мать. О чём беседовали взрослые, было почти не слышно, а стало быть, рождалась тайна. Во всяком случае — для Олега. Брат в отличие от него отреагировал странно, вернее, вовсе не отреагировал: продолжал заниматься своими делами, не проявив подобающего интереса к текущему моменту. Совсем скоро выяснилось, что он был в курсе событий.

Совещание на кухне затянулось. А после того как визитёры распрощались и ушли, родители объявили младшему сыну, что отныне в квартире будут проходить «ликбез» коллеги отца. Чему их будут обучать приходящие преподаватели — не столь важно. Главное — относиться к этому с пониманием и нигде не распространяться о перепро-

Дом «Страхового общества» на Сретенском бульваре. На первом этаже за чёрной дверью — явочная квартира

филировании жилплощади в учебное заведение. Да и вообще — держать язык за зубами.

Так в жизнь будущего разведчика ворвалась первая легенда. До вечера она выглядела вполне убедительной и вопросов не вызывала. Однако прежде чем отойти ко сну, Глеб, подумав, решил раскрыть младшему брату секрет.

Правда оказалась намного интереснее вымысла: у чекистов Московского управления НКГБ СССР их квартира считалась явочной. Причём стала она таковой сразу же после отъезда семьи в эвакуацию и вошла в число опорных пунктов, созданных осенью 1941 года в системе подпольного сопротивления

на случай захвата фашистами столицы. Освободили её до поры до времени только летом следующего года, после возвращения домой половины семейства.

Вхождение в тайную жизнь произошло быстро и незаметно. График работы на явке был плотным. «Учителя», они же оперативные сотрудники, проводили приём в детской комнате, а законные обитатели, становившиеся на тот момент посторонними, покидали её пределы. Но это не значит, что им ничего не оставалось, кроме как в тоске влачить существование. Нет, они по-своему приносили пользу общему делу, попутно постигая на практике науку конспирации.

АВГУСТ 2019 **75**

Будущие офицеры госбезопасности Глеб и Олег. Москва. Конец 30-х годов

Нередко случались накладки, и в условленное время на встречу являлись сразу два человека. Вот тогда Олегу, чаще всего находившемуся дома, доводилось — по заданию оперативника — чем-нибудь занимать агента до тех пор, пока его не «удостоят аудиенции», и при случае — стеречь оставленные на подоконнике пистолеты. А ещё — узнавать и впитывать, словно губка, многое из присущего сфере госбезопасности задолго до того, как она поглотит его без остатка.

Глеб, в ту пору работавший в «Гознаке», в сорок четвёртом году был откомандирован в наградной отдел Президиума Верховного Совета СССР и там получил «бронь» от мобилизации. Но несмотря на это, он по собственному желанию в 17 лет ушёл на фронт. До его возвращения домой в мае 1945 года Олегу пришлось стараться за двоих. Справлялся.

В чекистах того периода как будто воплотились герои книг, кинофильмов и радиопередач. Они были теми, по чьим следам братья Нечипоренко пришли в ряды особого войска, имена командиров и бойцов которого чаще всего скрыты под грифом «Совершенно секретно»...

Можно долгие годы хранить заветную тайну и быть в полной мере искренним в общении с людьми. Но в тот момент, когда конспирация становится основой профессиональной деятельности, открытость и честность должны потесниться. Иначе нельзя.

В течение полутора десятка лет работы явочной квартиры, расположен-

ной на первом этаже дома с отдельной входной дверью и окнами, выходящими на Сретенский бульвар, Олег Нечипоренко никому из друзей не раскрыл тайну своей жизни в невидимом мире разведки. И если такая скрытность зачастую недоступна взрослому человеку, то что же говорить о подростке? Кого из нас не распирает порой потребность поделиться сокровенным с окружающими, чтобы ощутить себя самым значительным субъектом в среде товарищей? Знание, которое невозможно с кем-то обсудить, в один прекрасный момент начинает сжигать изнутри. Скорее всего, заменой возможности быть откровенным стала для мальчика попытка окунуться в писательский процесс. Можно сказать, именно тогда были сделаны первые шаги к литературной Премии ФСБ России за цикл произведений, посвящённых деятельности спецслужб негласного фронта. Произойдёт это не скоро — в 2016 году. К тому времени у лауреата престижного конкурса накопится уникальный опыт практической работы в «поле» и солидный объём информации. Сформируется великолепный литературный стиль! А тогда написанный за пару вечеров на чистых листах тетради бухгалтерского учёта рассказ «Воздушный бой» так и остался единственным «шедевром», затерявшимся в куче школьных принадлежностей...

Стипль-чез к диплому

После школьных выпускных экзаменов Олег готовился начать путь к вы-

бранной профессии. Желание получить юридическое образование и стать следователем возникло давно. Оставалось только решить, куда именно пойти после защиты диплома: в органы госбезопасности или в уголовный розыск. Однако судьба сделала поворот в непредвиденную сторону.

Встреча учеников 10-го класса со студентом 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков, подробно и интересно рассказавшим о работе переводчика, изменила взгляды молодого человека на будущее. Сообщив дома о решении овладеть открывшейся для него интересной специальностью, Олег получил безусловную поддержку и родителей, и брата. А заодно и знакомых оперативников, аргументированно убедивших парня в том, что в их «конторе» знание языков крайне востребовано. Оставалось лишь выбрать, с каким впоследствии придётся иметь дело: немецкий был отвергнут сразу в силу того, что его ненавидели после прошедшей войны точно так же, как французский после 1812 года. Сыграли свою роль испанские слова, частенько звучавшие в семье, когда отец и мать ударялись в воспоминания о днях бурной молодости, проведённых в далёкой Аргентине. Подстегнуло и страстное желание прочесть хранившиеся дома вырезки из газет с сообщениями о разгроме акционерного общества «Южамторг» в Буэнос-Айресе.

Успешно сдав экзамены в вуз, 1 сентября 1952 года Олег Нечипоренко сделал первый шаг на пути к профессии переводчика. А потом его шаги, благодаря «здравомыслию» высшего руководства из сфер образования и международных отношений, переросли в стипль-чез.

В один прекрасный день студентам третьего курса объявили, что их отделение переводческого факультета закрывается, поскольку отношений с франкистской Испанией нет и в обозримом будущем не предвидится, а в Латинской Америке специалистов и без них хватает. Старший курс, так и быть, не тронут. Остальным уготована «честь» стать школьными учителями.

Такая перспектива совершенно не устраивала Олега, и решение о переводе в Военный институт иностранных языков Советской Армии было принято безотлагательно. Однако выяснилось, что «испанцев» и там сокращали.

Пришлось идти за советом к старшему брату, который в то время уже был сотрудником Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР...

Получив приглашение от старой гвардии чекистов, с которыми за годы работы на конспиративной квартире сдружились семьями, Глеб без колебаний пошёл на службу в одно из подразделений органов госбезопасности. Спустя какое-то время его перевели во внешнюю разведку. И потом долгие годы Глеб Максимович Нечипоренко занимался тем, что «лепил кожу» для будущих нелегалов — создавал новые личности, в которые разведчики врастали на весь отпущенный им срок схваток на скрытых полях сражений...

Поразмыслили и пришли к выводу: получать диплом лучше всего на прежнем месте. Во-первых, до него ещё идти и идти. А во-вторых, как показали многолетние наблюдения, всё течёт, всё меняется, и не всегда в худшую сторону.

Пришлось познавать основы педагогики, психологии, овладевать вторым языком — английским. Снова метаться в думах по поводу туманного будущего, когда тех, кто смирился с неизбежностью своей работы на поприще учителей языка Сервантеса, решили вообще перепрофилировать в «англичан». Олегу оставалось только верить в то, что рано или поздно ветер перемен повеет с благоприятной стороны. И вера его не подвела. Испанское отделение на факультете переводчиков как закрыли, так и возродили — в одночасье. Более того, пройдя курс военного перевода, все не предавшие альма-матер получили в виде весомого бонуса звание младших лейтенантов запаса. Случилось это весной 1957 года.

Мечта сбывается

В последние студенческие годы Нечипоренко пришёл к окончательному решению: служить Отечеству он будет только в органах государственной безопасности. Да иначе и быть не могло. С детства он методически выковывал из себя разведчика.

Распределение выпускников его курса прошло в мае.

Запрос на Нечипоренко пришёл в институт из Управления КГБ по городу Москве. Вскоре он с направлением из отдела кадров отправился на медицинскую комиссию. И едва не получил «красную карточку». А всему виной оказался футбол...

Олег с ранних лет пробовал силы в том или ином виде спорта. Тренировался на пару с братом в секции бокса, искал своё место в классической борьбе, самбо. Всё не то. Футбол привлекал больше всего, ему он оказался предан всецело. В одной из жарких игр

Младший лейтенант Олег Нечипоренко

в составе областного «Динамо» его нога не выдержала удара...

Перед началом медкомиссии кандидат в курсанты школы контрразведки, расположенной в Минске, обязан был ответить на множество вопросов в специальной анкете. В одном из пунктов он сознался: когда-то получил перелом коленного сустава. Чем и подтвердил мудрость старинной русской пословицы: «Простота хуже воровства».

Врачи потребовали справку о лечении. Как только она была предоставлена, честному бедолаге тут же заявили: подобная травма входит в перечень болезней, с которыми не место в органах госбезопасности.

Даже человеку, способному держать удар, такого рода «апперкот» не всегда по силам. Пока шёл к телефонной будке, чтобы позвонить занимавшемуся его делом кадровику, улица плыла перед глазами. В приватном разговоре тот посоветовал не искушённому в тонкостях «конторы» лингвисту впредь на большинство скользких вопросов анкеты давать отрицательный ответ. То есть не пренебрегать конспирацией! И главное, при второй попытке пройти ЦВВК ни в коем случае не говорить о том, что первая уже была: компьютерной базы данных в те годы не существовало, а архивные документы без особой надобности не доставали. По прошествии нескольких месяцев именно так и произошло. До той поры стремившемуся в чекисты парню пришлось потрудиться «на стороне», а заодно получить неплохую практику общения с иностранцами.

Москва готовилась к проведению VI Всемирного фестиваля молодёжи

и студентов. Подготовительный комитет ранее обращался в институт иностранных языков за помощью: требовались переводчики на весь двухнедельный период работы форума, оказавшегося самым массовым за всю историю фестивального движения. Гостями столицы стали 34 тысячи человек из 131 страны мира! С подачи того же кадровика Олег принял предложение войти в состав переводчиков ещё до своей несостоявшейся медкомиссии. В подготовительном, а потом и организационном комитетах работы было непочатый край...

Московский фестиваль конца пятидесятых стал серьёзным испытанием для МВД и КГБ. Огромный город гудел, словно пчелиный улей. Молодёжь с различными идеологическими убеждениями, политическими и религиозными взглядами хлынула в столицу СССР мощным потоком. Именно тогда советские юноши и девушки впервые столкнулись с иной манерой поведения, образом жизни, модой. Пусть временная, но всё же огромная брешь в «железном занавесе» заставляла сдавать. по сути, экзамены на верность стране и традициям: днём и вечером делегации были заняты на официальных мероприятиях, а поздним вечером начиналось этакое свободное всемирное общение, которому нисколько не препятствовали. Во-первых, такой задачи не ставилось, а во-вторых, сил на тотальный контроль всё равно не хватило бы...

Дипломированному переводчику Олегу Нечипоренко выпала честь объявлять на испанском языке об открытии, а потом и закрытии фестиваля на стадионе в Лужниках.

В начале сентября с помощью отца он устроился на работу в Гидрометео-рологическую службу СССР в качестве инженера-переводчика. А уже в конце месяца стал оформлять документы для поездки в Венесуэлу: делегация на Всемирный конгресс метеорологов состояла из двух советских представителей, говоривших исключительно на русском языке, который в дальних странах нередко являлся экзотическим.

Накануне отъезда подошёл срок второй попытки преодолеть медкомиссию. В этот раз он ответил на вопросы анкеты предельно лаконично и, пройдя врачебный осмотр в полном объёме, отбыл за рубеж. Впрочем, так и оставаясь в неведении о решении «эскулапов»: состояние здоровья уже засекретили, в том числе от него самого.

Думать о грядущем на протяжении двухнедельной загранпоездки было некогда: путешествие оказалось весьма насыщенным и интересным. Во время ожидания венесуэльской визы

ABIYCT 2019 77

Каракас. Венесуэла. 1950-е годы

познакомились с Парижем. Перелетая через Атлантический океан, совершили промежуточные посадки на Азорских островах, на Мартинике, острове Кюрасао и в Суринаме. Обратный путь держали через Амстердам. Первый выезд за пределы страны он запомнил навсегда!

Вернувшись в Москву, Олег прежде всего нанёс визит своей возлюбленной. Торжественно вручил ей сувениры и подарки, в числе которых был отрез нейлона — в то время на родине весьма дефицитного товара. Спустя два месяца он превратился в свадебное платье: с холостяцкой жизнью было покончено.

В телефонном разговоре с отделом кадров узнал, что дела его в полном порядке. Мечта сбылась. Но поскольку текущий год близился к концу, отправляться на учёбу в Минск было уже поздно. А потому, получив первую офицерскую должность помощника оперуполномоченного в Ленинском райаппарате города Москвы, в звании младшего лейтенанта Олег Максимович Нечипоренко

приступил к службе в рядах сотрудников государственной безопасности.

В начале длинного пути

В феврале 1958 года новоиспечённого оперативника откомандировали в распоряжение отдела, занимавшегося по линии контрразведки подготовкой к открытию советского павильона на Всемирной выставке «Экспо-58» в Брюсселе. На первых порах пришлось систематизировать ориентировки на агентуру, вводимую в состав обслуживающего персонала. Но уже в середине марта он был включён в спецгруппу для работы в Бельгии и вскоре отправился за границу. По прикрытию выполнял функции переводчика сначала в отделе культуры и искусства, затем — авиации и космонавтики.

Интерес к павильону был огромен. Кого-то привлекали достижения СССР в разных областях, и их встречали с распростёртыми объятиями. А кто-то получил возможность активизировать деятельность зарубежных антисоветских организаций. Листовки и подрывную литературу стали регулярно подбрасывать на стенды, которые наши люди постоянно осматривали и очищали от этих средств пропаганды. Попытки служб враждебного лагеря завязать контакты с кем-то из сотрудников, обслуживающих экспозиции, пресекались на корню. Выявленных агентов, желающих сбить с пути советского человека, выдворяли за пределы территории до тех пор, пока поток эмиссаров не иссяк.

В ходе работы выставки набиравшему опыт контрразведчику впервые пришлось обеспечивать надёжность встречи старшего коллеги с его зарубежным помощником. В группе, взаимодействующей с правительственной охраной, создавать, растворившись в толпе, негласный барьер безопасности в период посещения выставки высшим партийным и государственным руководством СССР.

Через четыре месяца Олег Нечипоренко вернулся в Москву. На исходе лета в качестве оперуполномоченного УКГБ по городу Москве он был переведён в отделение, которое занималось розыском государственных преступников. Объектами интереса являлись те, кто в годы войны активно сотрудничал с оккупантами, служил в Русской освободительной армии под командованием генерала Власова, а также выпускники разведшкол Абвера, когда-то заброшенные «до востребования» натерриторию Советского Союза.

Его наставники — Михаил Петрович Гонцов и Валентин Иванович Шарапов — имели колоссальный довоенный опыт чекистской деятельности. Позже активно работали в немецком тылу. В отделении первый занимался субъектами, имевшими полные установочные данные, а второй специализировался на более сложном и в то же время огромном списке персон, в котором всё от начала до конца содержало знак вопроса: или Петров, или Сидоров; родился то ли в 1900 году, то ли неизвестно когда; проживал либо в Сочи, либо в Магадане... И так далее.

Три тома, каждый из которых был размером с большой энциклопедический словарь, хранили все имевшиеся в наличии данные или хоть что-то, касавшееся разыскиваемых лиц. Большей частью сведения были получены с помощью агентуры, внедрённой в разведшколы Абвера...

Только в конце девяностых стало известно, что идея и первый шаг в создании этой уникальной базы данных

Турне по Шотландии. Сразу и не разобрать, кто друг, а кто враг

принадлежат Леониду Матвеевичу Зискинду, одному из тех сотрудников госбезопасности, которые долгое время работали в квартире Нечипоренко. В годы войны он возглавлял отделение розыска...

Изучая содержание трёхтомника, включавшего массу информации типа «пойди туда, не знаю куда», молодой сотрудник отделения на первых порах даже представить не мог, как, опираясь на неё, можно кого-то отыскать. Знание пришло со временем. А практика в аналитической работе под руководством опытных старших товарищей пригодилась везде: и в контрразведке, и в разведке.

В начале 1959 года лейтенант Олег Нечипоренко вошёл в состав лиц, готовившихся сопровождать в Шотландию выпускников высших учебных заведений. Организовало поездку созданное годом раньше Бюро международного молодёжного туризма «Спутник». На официально числившегося замести-

телем руководителя группы сотрудника госбезопасности возложили «обязанности по контрразведывательному обслуживанию». Этот роддеятельности, только внедряемый в практику, со временем получил в среде обывателей исключительно отрицательную оценку. И, в общем, незаслуженно. К советским людям, выезжавшим за рубеж, сразу же по прибытии, а порой даже раньше, местные спецслужбы начинали проявлять повышенный интерес. И защитить не искушённого в тонкостях вербовки и провокаций туриста мог только профессионал.

Кое-какой опыт работы в заграничных условиях Олег уже приобрёл. Но в ситуации, когда на него целиком ложилась ответственность за всё, что могло произойти с каждым вверенным ему человеком или со всеми сразу, он был впервые. Тем более когда стало известно, что разведка Туманного Альбиона уже начеку. Их сотрудников вычислили в процессе знакомства с до-

стопримечательностями островного государства. Сопровождавший группу гид, как выяснилось, изучал русский язык, проходя службу в спецназе английской армии. А большинство тех, кто во время путешествия вступал в общение с молодыми специалистами из Советского Союза, на поверку оказались слушателями разведшкол. Появлялись и их преподаватели. Кто-то из них был из числа русских эмигрантов, кто-то — из тех, кто в составе перемещённых лиц осел на Западе после Великой Отечественной войны. При тщательной проверке — уже в Москве — выяснилось, что многие из них сотрудничали с нацистами.

В общем, офицер КГБ не мог расслабиться ни на минуту. Такую роскошь он позволил себе лишь после того, как поезд пересёк границу. А вместе с ним и полные впечатлений туристы.

По прошествии нескольких месяцев свершилось паломничество ценителей русской старины из Шотландии в Союз. Их костяк состоял из числа выпускников

АВГУСТ 2019 **79**

разведшкол и нескольких педагогов, когда-то «опекавших» на своей территории советскую дипломированную молодёжь. Разумеется, все они попали в сферу пристального внимания нашей спецслужбы.

Испанские дети как ступень к внешней разведке

С переводом в отделение, занимавшееся «испанской колонией» в Москве, для Олега открылось новое направление деятельности. Для начала пришлось изучать материалы, связанные с детьми, вывезенными в Советский Союз — подальше от полыхавшей в Испании в середине тридцатых годов гражданской войны.

С тех пор утекло немало воды. Казалось бы, какой интерес у диктатора Франко к тем, кто, обретя новую родину, горячего желания вернуться на землю предков не испытывает, во всяком случае в период его правления? Но интерес обнаружился уже в середине пятидесятых. Не спонтанно, а, как выяснилось, с подачи ЦРУ США! И не будь они нашими противниками, гениальному ходу американцев можно было бы аплодировать.

Дети имеют свойство вырастать. Испанские — не исключение. Большинство из них после школы отправилось поступать в разные учебные заведения, причём солидная часть — в ремесленные училища. Потом выпускники отправились работать — кто куда. Многие из них — даже в «оборонку». То есть уже попали в разряд носителей секретной информации. Некоторые продолжили учиться, становились высококлассными мастерами, освоившими производство с нуля. Росли в должностях. А стало быть, делались объектами пристального внимания зарубежных спецслужб. Оставалось сообразить, как получить к ним лёгкий доступ. И ведь сообразили!

Уже в 1956 году Франко объявил: желающим вернуться в Испанию препятствий чинить не будут. И потянулись в некогда родные края те, для кого в течение 20 лет они существовали лишь в виде отрывочных воспоминаний. Снялись с места далеко не все, но в процентном отношении их оказалось немало.

По прибытии всех пересёкших границу сразу же отправляли на пункты опроса, где работали квалифицированные специалисты с великолепным знанием русского языка. Интерес к землякам усиливался до высшей степени, если выяснялось, что те имели отношение к индустрии стратегического назначе-

ния. Реэмигрантов сразу же брали в оборот профессионалы, умеющие добывать информацию. За три года американскую базу данных пополнило достаточно материалов, анализируя которые можно было получать представление о нашем военном потенциале пусть не в критическом, но всё же значительном объёме.

Определённой части «советских» испанцев предлагали начать сотрудничество со спецслужбами и возвратиться назад — желательно на свои предприятия — уже лазутчиками. Легенда: на родине не нашёл своего места и подался восвояси...

По причине наступавшей «оттепели» в международных отношениях легально пересекать границу стало проще, поэтому хождение за Пиренеи и обратно на долгое время стало регулярным. Ктото действительно не смог адаптироваться в чужой среде и навсегда вернулся в СССР. А кто-то, осознав, что прибыль сама плывёт в руки, сделал всё, чтобы она сквозь пальцы не просочилась. Скупая в Союзе по дешёвке бытовую технику, радиоприёмники, фотоаппаратуру и оптику, эти дельцы оформляли временную выездную визу, реализовывали товар на Западе и возвращались назад с ширпотребом, которого недоставало в нашей стране. Разумеется, здесь, когда их брали с поличным, они попадали под статью, карающую за спекуляцию. Но адептов приносящего доход бизнеса это не останавливало.

Считается, что именно тогда зародилось «челночное» движение, которое в лихие девяностые достигло своего апогея...

Доказательства активности американских коллег на вербовочном поприще предоставили вернувшиеся в советскую страну новоявленные агенты чужой разведки. Кто-то из них сразу же после пересечения границы недолго думая отправился в органы КГБ, выкладывая там на стол всё оборудование, крайне необходимое для тайной нивы, одновременно сдавая адреса, пароли, явки. В отношении других, попавших под подозрение, органы госбезопасности заводили дела, начинали оперативные действия и в конце концов брали с неопровержимыми доказательствами их принадлежности к шпионской братии. Результат и в том, и в другом случае один: обрубались длинные руки ЦРУ...

На горячем фронте холодной войны отдел УКГБ по городу Москве вступил в прямое противостояние западным разведкам. Для Олега новый участок службы стал поистине оперативным: начался реальный контрразведывательный процесс с применением техники, агентуры, использованием явочных

квартир и со многим из того, что входит в арсенал профессионалов особого рода деятельности.

Работа по испанской линии оказалась своеобразной ступенью — шагнув с неё, он оказался перед дверью, за которой простирался мир внешней разведки.

В рассчитанный срок завершилась операция, проводимая совместно с сотрудниками одного из подразделений Первого главного управления КГБ СССР: в страну с франкистским режимом отправляли ставшего нашим агентом мадридца, за которого нёс ответственность лейтенант госбезопасности Нечипоренко. И сразу же накопившему опыт оперу поступило заманчивое предложение, отказаться от которого было невозможно, поскольку согласие означало осуществление мечты. А потому на поставленный вопрос о готовности быть зачисленным в спецрезерв для прохождения подготовки с последующей отправкой за рубеж в качестве разведчика-нелегала Олег Максимович, сдерживая рвущиеся наружу эмоции и приняв степенный вид, ответил: «Готов!»

В скором времени кандидат на службу Родине под вымышленным именем в чужом государстве предстал перед комиссией и вышел из кабинета окрылённый. Ему оставалось привести на беседу свою «вторую половину», чтобы она дала согласие отправиться с мужем в дальние края, где им предстояло жить по легенде...

Карьера нелегала завершилась, так и не начавшись: для такого рода деятельности трудность «лепки» супружеской пары создавала ярко выраженная славянская внешность его жены Лидии, да и сама она была не готова расстаться на 10 или 15 лет с недавно родившейся дочкой. Вместе с тем оказалось, что в разведку под официальным прикрытием, скажем, в дипломатическом корпусе, ему путь не заказан. И это воодушевляло!

Продолжение следует.

Фото из личного архива Олега НЕЧИПОРЕНКО.

Фестивальная Москва. 1957 год